

АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ

ТАШКЕНТ – ГОРОД ХЛЕБНЫЙ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н40

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Неверов, Александр Сергеевич.
Н40 Ташкент — город хлебный : [повесть] /
Александр Неверов. — Москва : Издательство
АСТ, 2026. — 192 с. — (Эксклюзив: Русская
классика).

ISBN 978-5-17-184606-0

Не успела закончиться Гражданская война, как на страну обрушилась новая беда — засуха. В Поволжье из-за сильной жары погибли все посевы и разразился страшный голод. Двенадцатилетний деревенский паренек Мишка Додонов остался с матерью и двумя маленькими братишками. Он решает спасти семью от неминуемой голодной смерти, отправившись в далекий сказочный Ташкент, где растет пшеница и много дешевого хлеба... Но как же туда добраться? И как уцелеть в этом тяжелом путешествии?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184606-0

© ООО «Издательство АСТ», 2026

1

Дед умер, бабка умерла, потом — отец. Остался Мишка только с матерью да с двоими братишками. Младшему четыре года, среднему — восемь. Самому Мишке — двенадцать. Маленький народ, никудышный. Один каши просит, другой мельницу-ветрянку ножом вырезает — на конек, вместо игрушки. Мать с голодухи прихварывает. Пойдет за водой на реку, насилу вернется. Нынче плачет, завтра плачет, а голод нисколько не жалеет. То мужика на кладбище несут, то сразу двоих. Умер дядя Михайла, умерла тетка Марина. В каждом доме к покойнику готовятся. Были лошади с коровами, и их поели, начали собак с кошками ловить.

Крепко задумался Мишка.

Семья большая, работники маленькие. Он самый надежный. Отец так и сказал перед смертью:

— Ты, Мишка, за хозяина будешь.

Вышел на улицу Мишка, мужики Ташкент поминают. Хлеб очень дешевый там, только

добраться трудно. Туда две тысячи верст, оттуда две тысячи верст. Без денег нельзя: за билет надо дать и за пропуск надо дать.

Долго слушал Мишка, спросил:

— А маленьким можно туда?

— Или ехать хочешь?

— А что будет? Залезу в трещину — меня не увидят.

Смеются мужики.

— Нет, Мишка, тебе придется дома сидеть. Не такие головы назад вертаются. Порасти еще годков пяток тогда поедешь.

А Мишка не верит мужикам. Видит, Ташкент — город хлебный, ничего не боится. Станет пугаться немножко, тут же успокаивает себя:

— Попробуй, чай, ты не девчонка. Подавать не станут, на работу наймешься. Целое лето плугом пахал заместо отца, лошадей умешь запречь. Это только годов тебе немного, на делах тебя большой не догонит.

Крепко задумался Мишка.

Не выходит из головы Ташкент — город хлебный. Станет на-глаз прикидывать: две тысячи верст — совсем недалеко. Пешком если — далеко. Сесть на чугунку — в три дня долетишь. А пропуск совсем не нужен. Увидят — мальчишка маленький едет, скажут: «не троньте, товарищи, это Мишка голодающий».

Какая в нем тяга? Полпуда не будет со всеми потрохами». Выгонят из вагона, на крыше два дня продержаться можно. Лазал он на деревья за грачиными гнездами, это похуже, чем крыша, все-таки не падал...

Увидал дружка своего Сережку Карпухина, годом помоложе, обрадовался.

— Айда двое с тобой!

— Куда?

— За хлебом в Ташкент. Двоим веселее. С тобой что случится — я помогу. Со мной случится — ты поможешь. Все равно, не прокормимся мы здесь.

Сережка не сразу поверил.

— А если дождик пойдет?

— Дождик летом теплый.

— А если солдаты прогонят?

— Мы тихонько от них.

Сережка нерешительный. Ковырнул в носу два раза, говорит:

— Нет, Мишка, не доедем.

Мишка побожился:

— Ей-богу, доедем, только не бойся. Теперь красноармейцы везде, они не прогонят. Узнают, что мы голодающие, хлебца дадут.

— Маленькие мы, забоимся.

Мишка начал доказывать: совсем и не маленькие. Это не беда, что Сережка моложе, хлопотать будет сам Мишка: место разыскивать на

чугунке, людей упрашивать. Чай, не девчонки они! Плохо придется — потерпят. С чугунок прогонят — все равно — двоим не страшно. Переночуют до утра, маленько пешком пойдут. Потом опять залезут, как только начальники заглянутся.

— А назад когда вернемся? — спросил Сережка.

— Назад мы живо вернемся. Туда, самое многое, четыре дня, оттуда, самое многое, четыре дня. Соберем по двадцать фунтов и ладно, чтобы тяжело не было.

У Сережки глаза загорелись от радости.

— Я пуд донесу!

— Пуд не надо. Отнимают, у кого много. Лучше еще съездим два раза, когда дорогу узнаем.

— Давай, Мишка, никому не рассказывать.

— Давай!

— Ты знаешь, да я, больше никто. Пристанут Коська с Ванькой, а сами шишиги* боятся. Куда с ними доедешь?

— А ты не боишься?

— Чего мне бояться! Я на мазарки** в полночь пойду.

* Ш и ш и г а — народное выражение: бес, сатана

** М а з а р к и — кладбище.

Мать на кровати охала. Младший Федька дергал ее за подол, клал палец в рот, просил хлеба. Средний, Яшка, делал деревянное ружье — воробьев стрелять для пищи, думал:

— Убью троих — наемся. Маленько Федьке с мамкой дам. Эх, вот бы голубку подшить!

Вошел Мишка в пустую голодную избу, шапку нахлобучил, брови нахмурил. Сразу стал похожим на большого настоящего мужика и ноги по-мужичьи растопырил.

— Ты что, мама, лежишь?

— Нездоровится мне нынче, сынок.

— А я хочу в Ташкент за хлебом съездить.

— В какой Ташкент?

— Город есть такой, — две тысячи верст отсюда, и хлеб там больно дешевый...

Говорил Мишка спокойно, по-хозяйски, как большой настоящий мужик.

Мать смотрела удивленными глазами.

— Болтаешь, что ли — не пойму я тебя!

Начал Мишка рассказывать по порядку. Ягоды много там и хлеба у каждого по горло. Зараз можно привезти тридцать фунтов. (Нарочно прибавил десяток, чтобы мать лучше поверила). Рассказывал складно, словно по книжке. И что от мужиков слышал и что сам придумал — все выложил. Туда самое много, четыре дня, оттуда, самое много, четыре дня.

— Ты, мама, не бойся.

— А если домой не вернешься?

— Вернусь.

— Смотри, сынок, заставишь меня по всем ночам не спать, только и буду думать о тебе. Мужики большие и то не едут.

— Мужики, мама, хуже. Билет им с пропуском надо, а мы с Сережкой на глазах у всех скроемся. Все равно, кроме меня, некому хлопотать. Куда Федьку с Яшкой пошлешь? А я не испугаюсь.

— Ну, смотри, Миша. Христа ради прошу, не залезай на крышу. Помилуй бог, сорвешься ночным делом — пропадешь. Лучше в ноги кому поклонись, чтобы посадили в спокойное место. Что я буду делать, когда одна останусь?

— Не бойся, мама, не упаду.

Осмотрел Мишка лапти, разбитые в пятках, нахмурился.

— Худые, черти!

Но тут же успокоился.

— Теперь не холодно, босиком можно.

Ножик складной отточил на кирпиче, шилом дырочку просверлил в рукоятке, повесил на ременный пояс, чтобы не потерялся. Отсыпал соли в тряпичку, крепко затянул узелок, чтобы не рассыпалась. Свил веревочку кудельную про запас: мало ли что может случиться в дороге! Отец покойный всегда так делал: едет на базар, ось запасную берет, колесо, оглоблю. Колеса Мишке не нужно, а веревочка эта годится.

Мать достала мешочек-пудовичек, наложила заплаты с обеих сторон.

— Одного-то хватит, Миша?

— Давай два, из двух не вывалится. Мож, разные куски будут давать.

Поверила мать.

— И правда, Миша. Все бери, чего придется. Мож, зерном маленько принесешь — посеем.

Сняла с себя в чулане рубашку мать, отрезала станину* красную на мешок.

Бросил Яшка ружье деревянное делать, с удивлением взглянул на брательника.

— Мишк!

— Ну?

* Станина рубашки — нижняя ее половина до пояса; рубаха без рукавов и лифа.

— И Сережка едет с тобой?

Не ответил Мишка. Вышел на двор, огляделся.

Вот так голод!

Колесо валяется, дуга валяется, а лошади нет и коровы нет. Раньше куры клохтали, петух во все горло кричал, теперь только столбы да крыша худая. Ну, ничего. Удастся в Ташкент хорошо съездить — дело поправится. Самое главное, бояться не надо. Едут другие, и Мишка попробует. Он только годами маленький, на делах его большой не догонит.

3

Опять мужики на улице говорили про Ташкент. Кружились в мыслях около невиданного, слушали про сады виноградные, дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и багарной*. Цены невысокие. Рай! А попасть трудно: билет нужен, пропуск нужен.

Мишка не боялся.

Как в сказке, стоял перед ним Ташкент — город хлебный. Сады виноградные — во! Шутя можно урюку карман нарвать. Все равно, если ползком, никто не увидит.

Говорили мужики — воздух очень горячий там — задохнуться можно — и этого не боялся Мишка. Наверное, речки есть, как у нас. А раз речки — можно купаться.

Когда Сережка упомянул про киргизов, мимо которых придется ехать, Мишка и тут не сробел.

* Багарная пшеница — посев на не орошаемых искусственно землях в Средней Азии.

— Если киргизы — люди, чего их бояться?

— А можа, они не люди?

— Там увидим. Сейчас наскажут всякой всячины.

На полях стояла тишина. В голубом небе пели жаворонки. Ниже гудела проволока на телеграфных столбах, уходящих вперед длинной вереницей. За столбами — станция. На станции — чугунка. Мишка два раза видел ее, когда с отцом в Самару ездил. Интересная! Ползет сажен на пятьдесят, из трубы — дым, как печка топится, и гудок свистит.

Шел Мишка в отцовском пиджаке, подпоясанный солдатским ремнем, широко размахивая палкой. За плечами мешочек-пудовичек. В нем другой мешочек, сшитый из материнной станины красной. В красном мешочке — кружка жестяная, тряпочка с солью, кусок травяного хлеба и старая бабушкина юбка, которую надо продать городским.

Сережка шагал босиком с левой стороны. Большие мужичьи лапти с длинными бабьими чулками висели через плечо. К лаптям привязаны два мешка, скатанных трубой.

Шли и уговаривались — друг друга не бросать. Захворает один — другой должен ухаживать. И кому подадут вперед, чтобы пополам делить.

Когда показалась маленькая станция, Сережка сказал:

— Гляди, Мишка, я дымок вижу. Это не наша чугунка?

Мишка растопырил ладонь около глаз.

— Теперь вся чугунка наша. На которую поспеем прежде, там и поедем.

— А много их?

— Штук двадцать.

— Ты передом пойдешь?

— Угу.

Сережка улыбался.

— Я все равно не боюсь. Сколько верст ушли, а ноги не устали. Давай сажени мерить!

— У меня шаги шире твоих.

— Я тоже буду широко шагать.

Мишка советовал:

— Не надо торопиться — хуже устанешь.

На бугорке присели отдохнуть. Вытащили тряпички с солью, расстелили на травке. Сережка сказал:

— У меня соли больше, чем у тебя.

— А хлеб у тебя есть?

— Положила мама четыре картошки.

— Картошкой не наешься, хлеба надо.

— Где я возьму?

Мишка нахмурился.

В мешке у него лежал кусок травяного хлеба. Хорошо, если бы и у Сережки лежал кусок травяного хлеба. Тогда у обоих поровну, а теперь невыгодно. Куснут раза по три — останется половина.

— Почему ты хлеба не взял маленько?

Сережка лежал на животе, обсасывая травку. Глаза у него стали скучными, верхняя губа плаксиво топырилась. Поглядел он в ту сторону, где деревня осталась — даже колокольни не видать. Поле кругом да столбы телеграфные. Если назад вернуться — до вечера не дойдешь.

Жалко стало товарища Мишке.

Вспомнил уговор — помогать друг другу, отломил кусочек хлебца.

— На! Придем на станцию отдашь. Ты думаешь, хлеба мне жалко?

Сережка молчал.

Съесть он мог больше фунта, а Мишка дал маленькую крошку. Не станут давать на станции — жди до утра. Не станут утром давать — жди до вечера. Посмотрел еще раз в ту сторону, где деревня осталась, вздохнул.

— Ты что вздыхаешь?

— Это я нарошно.

— Испугался?

— Ну, испугался! Чего мне бояться?